

РОДС И ОКРЕСТНОСТИ

И.И. ФИЛАТОВА

Доктор исторических наук
НИУ - Высшая школа экономики

Ключевые слова: Южная Африка, ЮАР, Сесиль Родс, Транскей, Драконовы горы

В ноябре 2005 г. российское телевидение начало показывать развлекательную программу «В сердце Африки» - о приключениях россиян в африканских дебрях. Дебри эти, оказывается, под Дурбаном - в ЮАР, в стране зулусов. Столько тут опасностей - от крокодилов до недружественных племен! Столько экзотики - от ритуальных масок до величественных дворцов вождей!.. Неискушенный зритель мог подумать - так оно и вправду всё это в самом сердце Африки, что под Дурбаном!?

Программу я смотрела в Москве, в ноябре 2005-го. А в декабре увидела слова «В сердце Африки» снова - в сверкающем кондиционированном Дурбанском аэропорту, на табличке, которую держал встречавший новую группу россиян водитель.

К тому времени в Дурбане я провела 12 лет¹ и по окрестностям его поездила немало. Крокодилов видела только в заповедниках и на фермах, где их разводят. Прочитала, правда, как-то в местной газетке Маргейта - курортного городишки в двух часах езды от Дурбана, что два крокодила сбежали с одной из ферм неподалеку и нашли убежище в стоке городской канализации, выходявшем в Индийский океан.

Зулусов таких, которых показывают российскому зрителю, я тоже не видела. Если бы они эту программу посмотрели, сильно обиделись бы. Мы ведь обижаемся, когда на Западе представляют нас неотесанными дикарями. Вожди, конечно, в Южной Африке есть, но люди это обычно образованные, и живут они в современных домах. Да и рядовые зулусы предпочитают привычные нам европейские наряды. Одежды из шкур и вышитые бисером короткие юбочки вынимают из сундуков только к театрализованному традиционным праздникам и ритуальным церемониям.

С приключениями в Южной Африке и вправду неплохо. Хоти-

те - отправляйтесь в горы: там можно и пешком полазать по отвесным склонам и горным речкам, и на внедорожнике по ним покататься. Хотите - записывайтесь в приключенческий поход по пещерам Канго, только не обессудьте: там надо и на животе долго ползти, и пробираться через валуны в два человеческих роста, и прыгать с неприятной высоты. Хотите - идите в пеший поход по заповеднику, где только от молодого и отнюдь не атлетического вида гида-зулуса со стареньким ружьем зависит, насколько безопасным окажется расстояние от вашей группы до ближайшего носорога.

Я уж не говорю о водных лыжах, водных мотоциклах, на которых аварий не меньше, чем на земных, о сёрфинге и пр. Выбор ваш, если вам хочется пощекотать себе нервы. Я приключений не ищу, потому что их в Южной Африке и так полно, в обыденной каждодневной жизни.

НА НОВЫЙ ГОД - ЧЕРЕЗ ТРАНСКЕЙ

...Такого Нового года, как 1999-й, у меня никогда до того не было и, надеюсь, больше не будет. Встречать его с другом Джоном и подружкой Джил меня пригласили в деревушку Родс, что в предгорьях Драконовых Гор в Восточном Кейпе. У моего приятеля Роба был там домик, куда он зимой ездил ловить форель и

кататься на лыжах: снег в тех местах - правило, а не исключение. С конца 80-х гг. прошлого века здесь каждый раз в июле проводится единственный в ЮАР лыжный марафон: он начинается и кончается в Родсе.

Новый год в ЮАР - летом, так что идея посмотреть на деревушку, которую знатоки считают одним из лучших зимних курортов Южной Африки, показалась мне заманчивой. Да еще и название. Почему «Родс»? Приезжал он туда? Или еще как-то был связан с теми местами?

Большая часть пути из Дурбана в Родс проходит по территории бывшего бантустана Транскей³, включенного теперь в провинцию Восточный Кейп. Народ, особенно белый, предпочитал тогда объезжать его стороной. Многие белые южноафриканцы, прожив в стране всю жизнь, не бывали в Транскее никогда. Дороги там были ужасные - разбитый асфальт, колдобины, рывтины... Да и жизнь в тех местах не многого стоила, если кому-то не понравились ваши взгляды или, наоборот, приглянулся ваш кошелек. За последние годы главное шоссе через Транскей подремонтировали, кое-где расширили, а кое-где и огородили, но тогда, в 90-е, поездка по нему считалась весьма рискованным предприятием.

Ехали мы на двух легковых машинах: в одной - Джон с сыном, в другой - я с Джил и ее старенькой мамой. Выехали рано, почти затемно. Мужская часть нашего коллектива где-то отстала, и мы неторопливо двигались по шоссе. Вдруг нагнавший нас джип, битком набитый мускулистыми черными парнями и просто разрывающийся от децибелов гремевшей музыки, стал деловито теснить нас к обочине. Наверняка

Поселок, построенный в Транскее в рамках Плана реконструкции и развития.

они только шутили: угонщики, когда они работают на машинах, пользуются, как правило, не джипами, а быстроходными БМВ, в «дискотеки» свои машины не превращают и сразу используют оружие.

Но мне было не до тонкостей: по угонам машин Южная Африка занимает одно из первых мест в мире, они здесь - повседневная реальность. Я рванула вперед так, что тяжело грузный джип быстро отстал. Только начала думать, как же теперь дождаться своих спутников, на дороге появились полицейские - юаровские гаишники. Обрадовалась я им, как родным, - джип через пару минут проехал мимо, а вскоре показалась и машина Джона. Им - «гаишникам» - со мной повезло не меньше, чем мне с ними: на спидометре у меня было 180 при допустимых ста двадцати; штраф (взятка) наверняка покрывал бы полдня их работы.

Но взятка тамошнее ГАИ тогда не брало. Ни черные, ни белые. Ни на месте, ни в отделении. Не брало, и всё тут! Может, я не так давала, но в других местах, там, где их брали, мое российское «я Вам буду очень благодарна» понималось с полуслова. С тех пор ситуация изменилась радикально, и «благодарность» стала приниматься с не менее глубокой благодарностью. А тогда за 180 км/ч могли бы и права отобрать, но пожалели, ограничились

штрафом. Только на месте его заплатить нельзя, а полицейские - народ не очень грамотный, поэтому оформление бумаг и заполнение бланков длилось бесконечно. Наконец, снова тронулись в путь.

Транскейские городишки - Маунт Фрер, Маунт Айлиф, Кумбу (где провел свое детство Нельсон Мандела), Айдучва (где родился Табо Мбеки, второй черный президент ЮАР), Баттерурт - образования странные. Возникали все они как административные центры, вернее, центрики: банк, полицейский участок, тюрьма, административное здание, церковь, несколько магазинов и рынок прямо на главной, а подчас и единственной, улице.

Население в центре городка не живет, оно разбросано по склонам соседних холмов, иногда на километры. Коробочки-дома стоят в отдалении от дороги, глиняные - белые или окрашенные в яркие цвета, а иногда и кирпичные. Есть квадратные, с односкатной крышей из гофрированной жести, есть традиционные - круглые, крытые толстым слоем соломы. Расположены они группами - два-три домика на семью, иногда крохотный огородик, изредка - небольшое кукурузное поле, чаще - ничего.

От каждого такого «хутора» разбегаются тропинки к соседям; до них пять-десять минут ходьбы. В город жители приходят и приезжают только за покупками или за какой-либо официальной надобностью, поэтому главная улица - она же рынок - забита пешеходами, продавцами и их товаром, резвящимися детьми, маши-

нами, велосипедами, ослиами и прочей скотиной. Двигается все это совершенно беспорядочно в разные стороны. Как в деревне. Да это и есть деревни - деревенские центры.

Умтата, или Мтата, бывшая столица Транскея, конечно, больше, и теперь это районный центр: немало ухоженных домов и современных административных зданий. Но принцип и дух те же. Когда-то часть администрации здесь была белой, но «независимому хоумленду» Транскей приличествовали собственные чиновники, и белые постепенно разъехались. Остались разве что здесь и в городишке Элис, где расположен первый и некогда лучший из университетов страны для небелого населения, Форт Хэйр.

...Впервые я побывала в Айдучве в начале 1990-х. Привез меня туда Джон Баррет, бывший директор Института международных отношений при Витватерсрандском университете. В отделении Института в Умтате мне предстояло прочитать лекцию, а по дороге Джон решил заехать на могилу отца в Айдучве - тот был когда-то священником в местной церкви и похоронен на церковном кладбище.

Кладбище четко делилось на две части - белую и черную. Черных могил было много, они были не ухожены, но и не заброшены. На могилах остатки еды - подаяния духам предков, и всякая всячина, вплоть до ржавого велосипеда: любимые предметы ушедших хозяев. Белая часть кладбища совершенно заросла травой. Джон с трудом отыскал могилу отца, мы оборвали на ней траву, кое-как прибрали ее. Но было ясно, что через несколько лет ни от нее, ни от других могил «белой» части кладбища не останется ничего.

Зашли в церковь, Джон поговорил с черным священником, тот помнил имя его отца, пообещал могилу поддерживать. Но это было давно. Джона самого уже нет в живых, нет и его жены, дети разъехались по всему свету. Каждый раз, проезжая мимо церкви в Айдучве, я вспоминаю об этой могиле. Вряд ли удалось бы ее отыскать теперь...

При апартеиде Транскей был самым бедным районом страны, с самой большой безработицей и самой высокой преступностью. Как-то, в конце 1980-х, когда апартеид еще не отменили, но перемены уже просматривались, я спросила Джо Слово, генерального секретаря Южноафриканской компартии, почему АНК⁴ в некоторых своих документах упоминает хоумленды *наряду* с ЮАР, словно верит, что они и вправду - отдельные государства. Он задумался и ответил, что надо исправлять эту неточность.

На деле все оказалось, конечно, куда сложнее. После того, как бывшие хоумленды «возвратились» в Южную Африку, администрацию этих разных «стран» пришлось объединять. Параллельные министерства и ведомства ликвидировались - естественно, и транскейские тоже. В это же время начали увольнять на пенсию и многих школьных учителей - тех, кто долго работал при апартеиде. Считалось, что они не справятся с требованиями новой системы образования, а то и будут ее саботировать.

В конце 90-х гг. транскейские городишки были куда пустынее, чем сейчас, магазинов почти не было, и на улицах продавали разве что бананы. Нищету, казалось, можно было пощупать. Теперь жизнь там кипит. Торговля идет бойко, народу - как в популярном супермаркете. Люди одеты нарядно, молодежь - в джинсах и мини-юбках, девушки иногда с выпрямленными волосами. Черные водители сидят за рулем не только ржавых, еле передвигающихся развалин (их тоже много), но и лимузинов самых дорогих марок. Откуда золотой дождь?

Деньги идут из двух источников. Первый - африканизация, в основном, не в самом Транскее (здесь все африканизировано еще в годы апартеида), а в крупных городах: и в центральном правительстве, и в провинциальных и районных администрациях большинство постов занято черными; много их и в высших эшелонах бизнеса. Считается, что больше всего от африканизации выиграли *коса*, второй по величине народ Южной Африки (после *зулусов*), но самый многочисленный в

верхушке АНК. (Словечко «коса ностра», означающее преобладание *коса* в АНК, а значит и наибольшие выгоды от пребывания этой партии у власти, я слышала часто, и отнюдь не всегда от белых.) Высокие зарплаты чиновников, хоть и не кормят не-родственников, но в бывший хоумленд разными путями просачиваются и частично там оседают.

Второй источник - чуть повышенные пенсии по старости, пособия по нетрудоспособности и особенно - пособия на детей, введенные правительством АНК. Как ни малы они, но это - доход, и женщины в деревне стараются нарожать побольше детей, чтобы было на что кормить семью, у которой нет других доходов. Это не шутка, а проблема, которую даже правительство обсуждает всерьез и публично. В 2004 г. число детей, на которых семье выдают пособия, было ограничено - не больше шести. Но ведь не уследишь. Да и коррупция. Даже из других стран беременные женщины умудряются правдами и неправдами попасть в ЮАР, чтобы родить и получить заветное пособие.

Так что благосостояние народа *коса* действительно выросло, но в бывшем Транскее этот рост построен на песке. Безработица здесь не уменьшилась, экономика как не развивалась, так и не развивается. В 90-е гг. ситуация стала даже в чем-то хуже из-за взрыва СПИДа. Люди выглядят здоровыми и упитанными, но обилие гробовых контор - по несколько на одной улице - говорило само за себя. СПИД косил молодежь, и гробы были бизнесом самым что ни на есть прибыльным.

В транскейских городках лучше не останавливаться и сейчас, а в конце 98-го, когда мы ехали на встречу Нового года в Родс, это было уж совсем ни к чему. Заправиться остановились в Кокстате - последнем городке перед бывшей границей Транскея. Машина с мужской частью нашей компании стояла на заправке передо мной, поэтому то, что произошло дальше, разворачивалось прямо у меня на глазах. Джон - справа, у водительской двери; куртка его - на водительском сиденье. Один из работников заправки дергает его

за рукав: «Сэр, Ваше колесо. Посмотрите на это колесо!» - и тащит его к заднему левому колесу. Он, конечно, идет. А у водительской двери мгновенно вырастает молодой парень в комбинезоне, каких тут сотни, молниеносное движение руки - и куртки нет. Я не успела и рот открыть, а он уже исчез, как сквозь землю провалился, и работник заправки тоже! Инцидент исчерпан.

К ПЕРЕВАЛУ НУДИС

Быстро ехать через Транскей было нельзя - не из-за дорожной полиции, ее тогда тут в глаза не видели - а из-за дороги, так что в Маклиа, последний, как мы считали, пункт перед грунтовой дорогой, добрались только часам к четырем вечера.

Маленький городишко Маклиа был назван в честь Томаса Маклиа, астронома Ее Величества на мысе Доброй Надежды. Должность эту он получил в 1833 г. и занимал ее почти 40 лет. За достижения в астрономии был возведен в рыцарское достоинство. Составляя каталог звезд Капской колонии, он много путешествовал по стране с походной обсерваторией. Кроме городишки Маклиа, именем этого астронома назвали еще и мыс на Капском побережье, и маяк на вершине Столовой горы в Кейптауне.

Из Маклиа до Родса по грунтовой - чуть больше 50 километров. Дорогу эту порекомендовал нам Роб. Проходит она через фантастический горный перевал - *Naude's Nek*, - самый высокий в Южной Африке, больше двух с половиной тысяч метров над уровнем моря, и, по словам Роба, виды оттуда невероятные. Кажется, что стоишь на вершине мира и видишь контур изгиба Земли.

На всякий случай мы спросили у местных, правильно ли едем. Они удивились: по этой дороге редко кто ездит, если только на внедорожниках, - ее давно не ремонтировали. Но мы ведь спрашивали не про качество дороги, а только про направление. Роб же сказал нам, как ехать, да мы и по карте видим, что эта дорога втрое короче той, которую они предлагали: в объезд, и не через перевал, а в другую сторону. Как же мож-

но пропустить «вершину мира»! И мы поехали.

Каменистая дорога извивалась вверх по склону горы. Начал накрапывать дождь. Ехали черепашим шагом: камней на дороге становилось все больше, стекающих с горы ручьев - тоже. В одном месте ручеек оказался большим - несколько метров шириной, и уже не камни, а настоящие валуны вместо дороги. Перебрались, хотя и с трудом. Моя «Ниссан-Джетта», конечно, выносиливая машина, но все же не ее это дело взбираться по горам, подумала я. Но Роб ведь знал, что мы на двух легковушках, а не на джипе, так что, подумала я, наверно, одно место такое, а дальше все будет хорошо.

Дорога пошла вниз. Пока мы спускались, дождь превратился в поток. Мы медленно ползли вперед, уже не надеясь, что будет лучше. В конце концов, машина взбунтовалась, перестал слушаться руль. «Только не это», - подумала я, вылезая под ливень. Но так и есть: переднее колесо - на обочине. Сменить его в этой ситуации было делом безнадежным, но выхода не было. Полчаса возни в холодной густой грязи ничего не дали: машина просто соскальзывала с домкрата.

Из ливня возник поношенный «баки» - так называют здесь небольшие грузовички. Трое дюжих мужчин - местные фермеры, белые - остановились, достали свой домкрат, подняли, подержали, подставили, подкачали... Через несколько минут запаска стояла на месте, фермеры погрузились в кабину своего «баки» и двинулись вперед, а мы стали обсуждать, что делать дальше. Дождь стал стихать, но ведь у нас одна запаска на восемь колес. Ночевать посреди поля? Страшно, и к тому же среди нас женщина за восемьдесят. Назад? Но дорога стала почти непроходимой. Вперед? Но как знать, что впереди?

Впрочем, что впереди, мы тут же увидели. Дорога дальше снова шла вверх по склону горы. Нам было хорошо видно, как спичечный коробок грузовичка наших спасителей ползет по ней с явным трудом. Вдруг «баки» медленно, как в кино, заскользил с дороги вбок. Мы не могли им помочь:

Автор в гостиной дома фермера-африканера.

пешком по этой грязи добирались бы до них минут сорок, а легковушки застряли бы в ней - это было ясно. Увидели, что «баки» остался стоять в кювете, а фермеры отправились дальше пешком.

Как мы развернулись на этой дороге, мне теперь даже представить трудно. На обратном пути застряло несколько раз.

До Маклинской гостиницы мы добрались в полной темноте. Перевала Нудис я так и не увидела: на следующий день без обсуждения решили ехать в обход, по длинной дороге.

Конечно, добравшись до Родса, мы набросились на Роба: как мог он посоветовать нам ехать этой дорогой? Он удивился: всегда только по ней и ездил, и до перевала доезжал - хорошая дорога. Конечно, хорошая! Роб ведь живет в Кейптауне, а не в Дурбане. С кейптаунской стороны дорогу поддерживали - для туристов, наверно; с дурбанской - нет.

РОДС И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Родс оказался забавной деревушкой. Вернее, дачным поселком. Фермерским. У горожан ведь есть дачи - почему бы у фермеров не быть дачам? Начало ему положила церковь, которую фермеры построили для себя в 1893 г. Вокруг появились глиняные до-

мишки в голландском стиле, крытые гофрированным железом. Это и были дачи - фермеры с окрестных гор съезжались сюда зимой, когда их собственные дома заваливало снегом, и делать на фермах было нечего. Ну, а для обслуживания дачников построили бар с гостиницей «Подкова», появились и различные службы.

Дача, которую сняли мы, была большая, многокомнатная, с огромной кухней, тремя газовыми плитами, двумя каминами и необъятным обеденным столом. Только вот ванная в доме была одна. И туалет тоже. Строили этот дом, видно, еще в 30-е гг. прошлого века. Непривычны тогда были буры⁵ к удобствам.

Родсом поселок назвали не сразу. Поначалу он назывался Россвилем - по имени пастора Росса из ближайшего центра цивилизации, городка Леди Грей. За какой-то надобностью обратились фермеры к Сесилю Родсу, тогда премьер-министру и министру внутренних дел Капской колонии. Тот на просьбу не откликнулся, но прислал саженцы сосен. Сосенки прижились и выросли в огромные деревья, которые и теперь украшают главную улицу поселка. В благодарности дачники переименовали его в Родс.

Сейчас место это тихое, чинное. Приезжий народ играет в теннис и волейбол, ходит в походы по соседним горам. В былые времена играли здесь в кости, карты и бильярд - понятно, на деньги. Бар обеспечивал выпивку и драки. Устраивали и скачки, и тогда сюда съезжалось белое население не только со всех окрестностей, но даже из Порт-Элизабета и Дурбана. Вино везли из Порт-Элизабета огромными тяжелогруженными фургонами по той, «нашей» дороге, через перевал. Фермеры вели себя по-ковбойски - въезжали в гостиницу прямо на своих скакунах. Убирать оставленное ими «добро» наняли специального человека - платили ему поштучно за кучу.

Человек этот был бушменом (специалисты говорят теперь, что «бушмен», при всей политической некорректности этого термина, - более правильное название этого древнейшего народа Южной Африки, чем «сан», на кото-

ром специалисты, только другие, настаивали два десятилетия назад), но имя у него было бурское, и разговаривал он с лошадьми на языке *африкаанс*⁶.

Неподалеку от Родса - местная достопримечательность: пещера с наскальными росписями - творчество его предков. Горы эти были когда-то горами бушменов. Потом туда пришли *сото*, оборонявшиеся от буров. Форт их первого вождя, Мошвешве, тоже неподалеку отсюда. От укреплений там ничего не осталось, но само место чтут не только *сото*, но и буры.

Вид отсюда открывается такой, что непонятно, зачем ехать на перевал. Вряд ли *сото* им любовались - они воевали, и для них это была всего лишь удобная позиция. Понятно становится, почему сумели они отбить атаки лучше вооруженного и более искусственного противника. Хорошо, что я приехала сюда летом: зимой ни до пещеры, ни до форта не добраться...

Ни во времена Сесилия Родса, ни в конце 1990-х черных жителей в поселке не было. В отличие от других белых южноафриканских городов и городишек, не было здесь и тауншипа, черного пригорода, такого, в каких жило, да и живет, большинство черного населения городов. Зато почти при каждой даче - каморка для прислуги. Фермеры привозили прислугу с собой, с ферм, так что тауншип был им не нужен. Рабочие на фермах - конечно, *сото* и «цветные» - потомки смешанных браков белых с бушменами и *кои* (готтентотами).

НОВЫЙ ГОД ПО-РУССКИ

Если теперь кто-то из нас вспоминает тот Новый год, говорят, что он был «русским». Означает это только тосты. Англичане и африканеры тостов не произносят, просто пьют и едят под разговор или музыку, но идея тостов, в особенности за старый год, «за присутствующих здесь дам» и за каждого участника застолья, увлекла их настолько, что они понесли ее дальше, и теперь уже встречают Новый год «по-русски» каждый в своем кругу.

После двенадцати ночи весь поселок собрался на площади пе-

ред церковь. Поселок - маленький, и площадь - не площадь, а площадка, но церковь здесь - большая, красивая, с высокой двускатной крышей и шпилем.

В Южной Африке это не редкость - деревушка крохотная, а посреди стоит чуть ли не кафедральный собор. На веру фермеры денег не жалели. Да и не только в вере дело: кто же еще будет крестить, женить, хоронить? Где еще собраться и в радости, и в горе? Церковь действительно была центром жизни разбросанного фермерского населения.

Внутри я не попала: постоянного священника нет, и церковь была закрыта на праздники. Народ выпил шампанского, кто-то принес музыку, молодежь начала танцевать.

Среди танцующих была и дочь Роба, Изабелла. Красивая молодая актриса, она к тому времени уже была национальной знаменитостью - играла одну из главных ролей в популярном южноафриканском телесериале «Исидинго». Белла буквально висела на руках у своего партнера - крепкого коренастого парня. Мать девушки, только вздохнула: «Это неизлечимо. Каждый год одно и то же. Он фермер. Она влюбилась в него, когда ей было десять, а ему - четырнадцать. Он научил ее ездить верхом, но романа не получилось. Теперь он женат, у него дети, а она, видно, никогда его не забудет».

Белла вскоре уехала в Америку. Белая молодежь ее поколения, не видя для себя перспективы из-за африканизации, уезжала из страны активно, в основном, в Англию (куда южноафриканцы ездили тогда без визы), Австралию и Новую Зеландию. Белла - редчайший случай! - выиграла вид на жительство в Америке и решила попытать судьбу там, несмотря на уже состоявшуюся карьеру.

Несколько лет не могла найти работы по специальности. Работала официанткой, начитывала пленки для аудиобиблиотек. Наконец, начала работать в театре. Там ее увидел известнейший английский кинопродюсер и театральный режиссер Питер Холл, и она настолько ему понравилась, что он пригласил ее играть в своих постановках пьес Шекспира в

Стрэдфорде на Айвоне. Кажется, это предел того, о чем может мечтать театральная актриса... Но встречать Новый год Белла еще долго приезжала в Родс.

ДОМОЙ

...На следующий день мы тронулись в обратный путь. Приключений больше не хотелось. Грунтовка давно осталась позади, но мы, не сговариваясь, ехали медленно, словно нехотя. Это-то меня и спасло. Вернее, девочку.

Километрах в 50-ти от Маунт Фрер, прямо наперерез машине бросилась девочка лет семи. Я видела ее на обочине слева, она говорила со стоявшими там женщинами, и вдруг, махнув им рукой, ринулась прямо мне под колеса. На дорогу она просто не посмотрела. Я стала уходить от нее вправо (движение здесь левостороннее), но все же задела ее крылом. Она отлетела в сторону и упала на дорогу. Я буквально вывалилась из машины. Идти к ней у меня не было сил - ноги подкосились, и я села на асфальт. Джон - он был впереди - увидел все это в заднее стекло, развернулся и подъехал к девочке с другой стороны. Вдруг та вскочила и убежала куда-то, к чукке домов в стороне от дороги.

Надо было ее найти. Я была уверена, что она просто в шоке и потому не заметила переломов или сотрясения мозга. На поиски отправились Джон с сыном, а мы с Джил и ее мамой остались ждать. Вокруг нашей машины сразу же стала собираться толпа. Сначала женщины, разговаривавшие с девочкой. Потом начали подтягиваться и мужчины. Потом стала подходить молодежь.

Машину окружили плотным кольцом, молодежь начала тойтоировать. *Тойтой* - воинственный танец с агрессивными телодвижениями и устрашающими звуками на выдохе: «Хуц, хуц-хуц-хуц...» И опять: «Хуц, хуц-хуц-хуц...»

Впервые я услышала это «хуц» в своем университетском кампусе в Дурбане во время студенческих волнений, когда толпа тойтоирующих студентов поднималась по лестнице здания, где была моя кафедра истории.

Попробуйте представить себе, как звучат эти слова, когда пара сотен голосов выкрикивает их в унисон. Мне объяснили тогда, что «хуц» - это подражание звуку стреляющего «АК-47», главного оружия бойцов вооруженного крыла АНК. После отмены апартеида его подпольные запасы разошлись по частным рукам. *Тойтой* всегда был танцем войны, только содержание его со временем менялось.

Пары сотен тойтойирующих вокруг нас не было, но с нас было достаточно и десятка, тем более, что танец явно возбуждал всех. Мы сидели в машине, не разговаривая и не шевелясь: любое движение могло спровоцировать толпу. Джон задерживался. Напряжение нарастало. Не знаю, о чем думали мои спутницы, а я никак не могла решить, где держать правую руку: на руле или в кармане.

Дело в том, что перед поездкой сосед мой, незадолго до того лишившийся в Транскее машины (ее «увели»), дал мне свой пистолет, сказав - «на всякий случай». «Ты стрелять-то умеешь?» - спросил он. - «А как же», - гордо ответила я, вспомнив о своей подготовке к военной кафедре в Институте восточных языков при МГУ (с 1972 г. - ИСАА МГУ. - *Прим. ред.*). Но все же уточнила, на что именно нужно нажимать, если этот «всякий случай» наступит.

С оружием в ЮАР было тогда просто: пришел в магазин и купил. Ни лицензии, ни проверок. Да и «гуляло» его по стране видимо-невидимо: Советский Союз поставил такое количество оружия бойцам АНК, что, по словам одного связанного с этими делами советского специалиста, «они уже просто не знали, куда его девать». В Транскее автоматы Калашникова можно было увидеть где угодно, а копия - разве что в музеях и на сувенирных рынках. С начала 2000-х гг. правительство стало пытаться регулировать использование огнестрельного оружия: запросто в магазине его уже не купишь. Но за магазином уследить легко, а вот в деревне мало что изменилось.

Я приоткрыла окно и спросила, где мать девочки. Сразу две женщины закричали: «Я мать!» И

тут, наконец, показался Джон. Он нес девочку на руках.

Предполагаемые матери сказали, что ближайшая больница - в Маунт Фрере, и мы предложили им ехать туда с нами. Сразу выяснилось, что «матерей» еще больше. Мы посадили четверых. Всю дорогу девочка безучастно лежала на руках у женщин. Я так и не добилась, где же все-таки ее родная мать. Джон сказал, что в доме, где он нашел девочку, не было никого, кроме старика, который не говорил по-английски, и к тому же был не вполне в себе - Новый Год, как-никак.

Больница - рядом с главной улицей, в переулке. Вечерело, начиналось новогоднее гулянье. Машин вокруг не было, по улице бродили толпы подвыпившей молодежи. Вот тут-то, подумала я, пистолет мой может очень даже пригодиться. Отдав его остолбеневшему Джону (он ничего о нем не знал), я отправилась в больницу с «матерями» и девочкой.

В больнице - большом каменном здании с широкими коридорами и просторными палатами - было совершенно пусто. Не было не только персонала и больных (может быть, их всех отправили домой по случаю праздника?), но и больничных коек, столиков, медикаментов, лекарств. Где-то в дальнем конце нашли освещенную комнату с койкой. Положили на нее девочку, разыскали дежурную - она оказалась уборщицей. Сказала, что врача нет и не будет до завтра, а медсестра дома, за ней можно сходить - только это далеко. Я сразу поняла намек: достала деньги и произнесла свое волшебное: «я Вам буду очень благодарна».

Сестра появилась через час. Девочку она осмотрела, сказала, что ни переломов, ни сотрясения у нее нет, но шок - безусловно, есть. Посоветовала оставить ее до утра, до врача. Где же оставить? «Да вот здесь, прямо на этой койке». Посоветавшись, «матери» решили остаться тоже. Я собрала всю наличность, которая была у нас, и отдала им. «Матери» были явно довольны. Одна проводила меня словами: «Спасибо, что остановились. У нас часто сбивают детей на дороге, но редко кто останавливается».

На следующий день я отправилась в полицию регистрировать происшествие. «Матери» были, видимо, правы: когда я написала в протоколе, что мы отвезли девочку в больницу, молодой полицейский изумленно спросил: «Вы что, действительно там останавливались?»

Днем позвонила в больницу. Врач сказал, что ничего, кроме ушибов и шока, у девочки не нашел. Ей сделали укол, дали лекарство и отправили с «матерями» домой. Я послала ему чек, попросила связаться со мной, если с девочкой все же что-то будет не так. Он позвонил дней через десять, сказал, что девочка в порядке и попросил заплатить за новый осмотр.

«Матери» звонили мне долго, несколько месяцев. Каждый раз - новая. Нет, с девочкой все хорошо, но не могу ли я найти им работу в Дурбане? Пару раз я послала им деньги через врача, но с работой помочь не могла, и постепенно звонки прекратились.

...Новогодние приключения кончились. Начался учебный год в университете, где приключением был каждый день - но это были уже другие приключения...

¹ С 1992 по 2004 гг. И.И.Филатова заведовала кафедрой истории, затем Школой социальных наук в Университете Дурбан-Вествилл (сейчас Университет КваЗулу-Натал) в Дурбане (ЮАР).

² Сесиль Джон Родс (1853-1902) - один из строителей Британской империи, присоединивший к владениям Британии Северную и Южную Родезии (сейчас Замбия и Зимбабве), 6-й премьер-министр Капской колонии.

³ Бантустаны - территории, в годы апартеида выделенные властями ЮАР для африканцев (которые они называли «банту»). В 1960-1980 гг. некоторые из бантустанов были провозглашены «независимыми» государствами, хоумлендами, после чего их жители теряли право жить на территории «белой» Южной Африки. Транскей получил свою «независимость» первым.

⁴ Африканский национальный конгресс, правящая партия ЮАР. Возник в 1912 г., последовательно боролся против дискриминации и апартеида.

⁵ Буры - потомки голландских поселенцев XVII в. в Южной Африке. В XX в. их стали называть африканерами.

⁶ Африкаанс - язык африканеров и цветного (смешанного) населения Южной Африки, развившийся на базе голландского и инкорпорировавший многие местные элементы.